

Л.Р. Дускаева, Н.А. Корнилова
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
L.R. Duskaeva, N.A. Kornilov
St. Petersburg State University, St. Petersburg

**РЕЧЕВОЙ ЭПАТАЖ КАК ФОРМА КОНТАКТУСТАНОВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ РЕЧИ
SHOCKING AS A FORM OF ESTABLISHING OF COMMUNICATUON
AT MODERN MASS MEDIA DISCOURSE**

Ключевые слова: фатическая речь, речевая коммуникация, установление контакта, развлечение, эпатаж

Keywords: phatic speech, speech communication, establishing of communication, entertainment, shocking

Фатическая составляющая речевой коммуникации является одной из форм установления контакта между собеседниками. В настоящее время исследователи медийной речи отмечают расширение в ней фатического общения (Чепкина, 2000; Чернышова, 2004), говоря при этом об использовании фатики в медиаречи как об иностилевом явлении. В связи с этим считаем важным отметить, что в публицистическом стиле фатика не является иностилевым, привнесённым компонентом общения: она существует в нём вполне органично, изменяясь в соответствии с целями, задачами и речевой системностью стиля, так как в задачу говорящего входит не только информирование и воздействие, но и установление контакта, равно как его поддержка.

В связи с увеличением роли развлекательной функции в медиадискурсе появляется большое количество СМИ, которые удовлетворяют именно потребность в развлечении. Из-за большой конкуренции в этой нише возникает необходимость увеличения эффективности средств установления контакта, поэтому большой популярностью начинает пользоваться эпатажное речевое поведение. Это связано с таким явлением, как инфотеймент (само понятие введено обиход Л. Г. Парфёновым). Под этим понятием подразумевается принцип подачи материала, когда журналист наравне с задачей информировать ставит перед собой задачу развлекать аудиторию. В каждом событии журналист ищет занимательные детали и с их помощью преподносит читателю (зрителю или слушателю) информацию. Современный медиадискурс привлекает аудиторию, удивляя и поражая, вовлекая в своеобразную игру.

Слово «эпатаж» имеет следующее значение: «скандальная выходка; поведение, намеренно нарушающее общепринятые нормы и правила» (Крысин, 2001: 833). Синонимами к нему будут «эскапада», «экстравагантная выходка». Глагольная однокоренная форма «эпатировать» встраивается в синонимический ряд слов «скандализировать», «шокировать», и в её

лексическом значении появляется характеристика «поражать окружающих» (там же, с. 833). Нас в представлении об эпатаже будут в первую очередь интересовать три момента: намеренность действия (то есть это действительно приём), нарушение норм (нравственных, эстетических и т. д.) и нацеленность на то, чтобы поразить, удивить аудиторию.

Исходя из всего вышесказанного, можно составить следующее представление о речевом эпатаже: эпатажным можно считать речевое поведение, противоречащее принятым нормам - коммуникативным, эстетическим, этическим, - которое в отдельных случаях рассматривается как предосудительное, недостойное и недопустимое. Речевой эпатаж рассчитан на привлечение внимания аудитории, в его основе лежит игра, речетворчество (намеренное нарушение лексического значения слова, лексической сочетаемости, разрушение структурной оформленности слова и т. д.).

Наибольшее распространение эпатажное речевое поведение получает в сети Интернет. В журналистских текстах сетевых СМИ все подчинено тому, чтобы поразить, удивить, выделиться, стать во что бы то ни стало заметным, в конечном счете добиться, чтобы «тебя купили». Новым и сильным средством выразительности здесь становятся структурные возможности гипертекстовых технологий, позволяющих размещать на главном месте самую важную информацию, при этом заголовком текста становится его первая фраза, одновременно содержащая информацию о сути события, остальной же текст - подробности события - находится на других уровнях гиперструктуры и при желании может быть открыт для прочтения. Эта первая фраза текста (своеобразный его заголовок) призвана максимально заинтересовать читателя, «зацепить» его, а потому создатели текстов стремятся к ее эпатажной завлекательности.

Большинство заголовков в Интернете явно рассчитано на то, чтобы вызвать читательский интерес через обещание шокирующих подробностей или уникальных сведений. Приведём несколько примеров, взятых подряд со странички одного интернет-ресурса (<http://beta.novoteka.ru/?s=accidents#nnn15150832>):

В Питере творится необъяснимое: власти растеряны, жители напуганы: в данном примере обращает на себя внимание сниженный, просторечный вариант названия города, отражающий фамильярную интонацию всего сообщения. Основной эпатажирующий эффект берут на себя субстантивированное прилагательное «необъяснимое», вводящее сему 'таинственное, не поддающееся рациональному объяснению', апеллирующее к такому свойству человеческого характера, как любопытство, а также краткие причастия «растеряны» (привносит значение беспомощности вследствие потрясения) и «напуганы» (конкретизирует причину потрясения: мы понимаем, что оно возникает под влиянием страха) в роли предиката, усиливающие данный эффект;

В этом месте в россиян, выпивших домашнего кваса, вселилась нечистая сила: этот заголовок также апеллирует к непознанному за счёт

введения устойчивого выражения «нечистая сила». Семантическое поле, к которому принадлежит данное словосочетание, то же «таинственное, не поддающееся рациональному объяснению», что и в предыдущем примере, также эпатажирующий эффект возникает благодаря содержательному объединению чего-то обыденного - домашнего кваса и потустороннего - нечистой силы;

Власти ЖЕСТОКО наказали протестующих студентов. Слабонервным не смотреть: в приведённом примере отметим шрифтовое выделение слова «жестоко», этот приём позволяет читателю сделать логическое ударение во фразе в соответствии с задумкой автора. Соответственно, основной акцент журналист снова делает на отрицательно окрашенном слове, вновь обращаясь к низменным чувствам — любопытству ко всему некрасивому, отталкивающему. Кроме того, обратим внимание на семантику запрета, которая вводится во второй части заголовка: здесь расчёт сделан на чувство противоречия;

Братья-людоеды обедали выкопанными из могил телами! ЖЕСТЬ: перед нами снова шрифтовое выделение однокоренного слова к слову «жестоко», в данном случае перед нами сленговый вариант лексемы, который обладает большим воздействующим потенциалом, нежели литературный вариант, благодаря более ярко выраженному экспрессивному началу. Здесь затронуто семантическое поле смерти («могилы», «тела»), в русском языковом сознании относящееся к нежелательным для обсуждения, деликатным темам. Кроме того, людоедство, о котором нам собираются рассказать, является феноменом, оказывающимся под запретом в любой культуре, отвратительным, отталкивающим - и в то же время притягательным (это одно из первых табу в человеческой культуре);

Страшное ГОРЕ известного футболиста: кровавая бойня в его семье!: шрифтовому выделению подвергается слово с отрицательной окраской, заложенной в лексическом значении. Эпатажность заключается в обещании рассказать о горе (отвратительно-притягательное явление), да к тому же в семье известного человека (заметим, в заголовке имя не названо, что призвано создать эффект усиленного ожидания). Слово «бойня» в своём переносном значении 'массовое избиение, убийство, неравный кровопролитный бой' (Ефремова, 2001: 113) имеет отрицательную оценочную семантику и высокую степень экспрессии, а будучи усилено словом «кровавый», приобретает ещё большую способность привлечения внимания за счёт подчёркивания той части его семантики, которая связана с ужасным, отталкивающим. Обратим также внимание на восклицательный знак, отражающий интонацию, заложенную автором в заголовок. Восклицательная интонация придаёт эмоциональность высказыванию, заголовок буквально «кричит» об анонсируемом событии. Хочется отметить, что подобные интонации неуместны при описании такого рода событий;

Стало известно, ЧТО произошло с пропавшей студенткой. ПОДРОБНОСТИ: этот заголовок также использует шрифтовое выделение для обозначения логического ударения во фразе. Акцент делается на

обещании предоставить полную информацию о случившемся. Шрифтовому выделению подвергается союзное слово «что» в придаточном изъяснения и парцеллят «подробности». Оба слова обещают феноменальную содержательную насыщенность текста, озаглавленного таким образом. Можно только догадываться о том, какие же подробности журналист готов рассказать о пропавшей студентке. Словом, которое также должно подогреть интерес к данному материалу, является «пропавшая»: включается семантическое поле ‘неизвестное, таинственное’, а также, по аналогии с другими текстами, ‘смерть, кровавые подробности’. Читатель готов предположить худшее;

ТРАГЕДИЯ! Кровавая смерть в московском метро потрясла всю Россию: заголовок привлекает внимание за счёт именительного темы, восклицательный знак в конце и шрифтовое выделение подчёркивает кричащий характер заголовка. В конструкцию с именительным темы вынесено слово с очень сильной эмоционально-экспрессивной окраской, которое и должно первым завладеть вниманием читателя. В дальнейшем эффект усиливается благодаря включению в сообщение слов, конкретизирующих семантическое поле, заявленное словом «трагедия»: ‘кровавая смерть’. Слова «потрясла всю Россию» также должны привлечь публику мнимой известностью сообщения (все знают, а я нет);

Малыш погиб в детском саду неожиданной смертью и т. д.: большинство заголовков апеллирует к словам «трагедия» и «смерть», и последний пример не стал исключением. Особенный диссонанс в сознание читателя вносит сочетание слов «смерть» и «малыш»: в первую очередь, потому что детская смерть всегда вызывает ужас и протест, а потом — само слово «малыш», разговорное ласковое название ребёнка (там же, с. 827), привносит в текст щемящую боль.

Обратим внимание на шрифтовые выделения, которые использует сайт: «жестоко», «жесть», «горе», «трагедия». Это всё слова с отрицательной оценочной коннотацией, и именно эти слова, с точки зрения авторов, должны быть наиболее привлекательными для читателя. Это понятно: страшное, ужасное неотвратимо притягивает внимание человека, не позволяя переключиться на другую информацию. Устрашающие слова, с точки зрения авторов, должны завлечь читателя в «паутину информирования». Однако запугивание сводится в конечном счете к одному - к развлечению, а информирование оказывается семантически опустошенным. Семантически опустошенными оказываются слова: «горе», «трагедия», «страшная болезнь».

По-видимому, есть в употребительности таких слов с целью развлечения опасность: а не потеряют ли они от частого употребления воздействующий эффект? А не окажется ли так, что в момент столкновения с бедой, истинным горем человека оно не затронет, и, многократно развлекаемый этими словами, он останется безучастным, а значит, лишится очень важного человеческого качества – способности к соучастию и к сопереживанию?

Таким образом, «развлекализация» проявляет себя в творческой практике СМИ неоднозначно: с одной стороны, в ней – протест против использования закостенелых форм и поиск новых, благодаря чему реализуется органично присущая языку журналистики установка на новизну выражения и рекламность. Однако другая сторона таких поисков — культивирование безобразного, устрашающе-агрессивного. Культивирование стратегии устрашения опасно тем, что приучает к этому, деформируя эмоциональный мир человека.

Другое ключевое слово в данных заголовках - «подробности». Здесь расчет сделан ещё на одно извечное качество человеческого характера - любопытство. В условиях современной глобализации медийного пространства стирается граница между межличностным общением и массовым. Если раньше сплетня была камерным жанром и предметом сплетни становились ближайшие знакомые, то теперь круг знакомых значительно расширяется под влиянием средств массовой информации. Предметом сплетни становятся люди, с которыми мы не знакомы лично, и подробности жизни далёких людей подчас волнуют больше, нежели происходящее в непосредственной близости от собеседников.

Наконец, ещё один момент не может не привлечь внимания: навязчиво повторяются фразы «не для слабонервных», «слабонервным не смотреть». Здесь вновь используется психологическая уловка: расчёт на чувство противоречия, когда возникает хотя бы намёк на запрет. Если страшно и смотреть нельзя - я обязательно посмотрю.

Отбор материалов для сообщений осуществляется с явной установкой на то, чтобы привлечь, заинтриговав, поэтому зачастую в информационных сетевых изданиях культивируется безобразное и грубое, свидетельствующее о низкой эстетико-речевой культуре пишущих. Обратимся к анализу одной из таких публикаций. Ее заголовок: *Самолет Второй мировой устроил в США кровавую баню* (<http://www.ntv.ru/novosti/239450/>) Подзаголовок: *Очевидцы рассказали жуткие подробности крушения самолета P-51 Mustang на авиашоу в Неваде. По их мнению, жертв было бы намного больше, если бы пилот Джимми Ливард за секунды до смерти не отвел истребитель в сторону.*

Наконец, сам текст: *Три человека погибли и 56 были ранены на авиашоу в Неваде, когда истребитель P-51 Mustang времен Второй мировой войны под управлением престарелого пилота-трюкача рухнул на зрительскую трибуну. Не исключено, что погибших будет больше — многие раненые находятся в критическом состоянии. Среди погибших — 74-летний летчик Джимми Ливард. Он считался очень опытным пилотом, участвовал в 120 авиаконках, снимался в качестве каскадера в художественных фильмах «Пилоты из Таскиги» и «Стрекоза». За несколько секунд до своей гибели Ливард успел сообщить диспетчерам о каких-то технических проблемах на борту. После этого самолет камнем рухнул на толпу зрителей, несмотря на героические попытки пилота увести его в сторону. Отчасти ему это*

удалось — посетители авиашоу говорят, что Ливард попросту спас жизнь сотням людей.

Бен Сиссель, очевидец: *«Я думаю, что, увидев трибуны, пилот в последний момент отвел самолет в сторону и тем самым спас 200 или 300 жизней. Не хочу показать неуважения к раненым, но пилот — настоящий герой. Он спас много жизней сегодня. Все могло быть гораздо хуже».*

Другие очевидцы рассказывают, что, ударившись о землю, самолет взорвался, как огромный баллон с водой. В людей полетело огромное количество обломков. К счастью, самолет не загорелся, но все равно место крушения оказалось усеяно окровавленными телами живых и мертвых. Маурин Хиггинс из Алабамы сидела неподалеку и видела, как мужчине, сидящему перед ней, обломок угодил прямо в голову.

Маурин Хиггинс, очевидец: *«Я видела кровь и части тел. Я имею в виду руки и ноги. Оторванные конечности у живых людей. Это была просто кровавая баня».*

В данном случае журналист рассчитывает на эффект неожиданности за счёт использования в заголовке устойчивого выражения «кровавая баня». Однако надо отметить, что исходное выражение ассоциируется с кровавой расправой, казнью, состоявшейся в 16 веке, то есть сознательным уничтожением людей. В то время как случай, описанный в материале под этим заголовком, не подразумевает сознательных действий, это трагическая случайность, и ироничность заголовка, возникающая из-за неуместного использования фразеологизма, корбит читателя. В данном случае эпатаж как приём привлечения внимания неуместен и оскорбителен.

Отметим, что по тексту заметки ироническая интонация не исчезает, достаточно взять для примера следующую фразу: *истребитель P-51 Mustang времен Второй мировой войны под управлением престарелого пилота-трюкача*. Пренебрежительность тона в стилистике высказывания – налицо! Если взять каждое из трёх последних слов отдельно, они не будут нести заряд отрицательной оценки, но вместе, в контексте, слова преобразуются: трюкачество воспринимается как проявление шутовства, никчёмного занятия, да ещё пилот-трюкач оказывается «престарелым», а в таком возрасте трюкачом быть уже совсем ни к чему. И всё это входит в противоречие со стилистикой речевой партии свидетеля происшествия, который отзывается о пилоте исключительно как о героическом, самоотверженном человеке. И противоречит словам самого журналиста: *«74-летний летчик Джимми Ливард. Он считался очень опытным пилотом, участвовал в 120 авиагонках»*, в которых уже нет отрицательной оценочной коннотации, заложенной в предыдущем текстовом фрагменте.

Если обратиться к анализу содержания текста, можно отметить, что броский, агрессивный заголовок не получает поддержки в самом тексте. Вся информация, которую сообщает журналист, заключена в лиде и повторяется в следующем за ним абзаце. Далее даются краткие сведения о карьере пилота; упоминание о том, что он сообщил о неисправности самолёта; после этого в третий (!) раз - другими словами - журналист рассказывает о

крушении самолёта; далее следует мнение (информационно совершенно не значимое) двух очевидцев, один из которых восхищается героическим поведением пилота, а другой как раз и говорит о «кровавой бане». Именно это выражение журналист и переносит в заголовок, чтобы эпатировать публику. Однако следует учесть, что, во-первых, это переводной текст и фраза свидетеля происшествия, возможно, звучала иначе; а во-вторых, собеседник журналиста не обязан быть профессионалом речи и безошибочно чувствовать все возможные нюансы словоупотребления, в то время как журналист обязан отдавать себе в этом отчёт и не должен развивать показавшуюся ему смешной ошибку в контексте трагических событий, которые он описывает. Соответственно, можно сделать вывод о том, что информационно материал пуст. Но ради того, чтобы текст был прочитан, журналист выносит в заголовок малозначимую, случайную фразу, брошенную свидетелем происшедшего. В конечном итоге такая эпатажность приводит к деформации журналистской картины мира.

В заключение скажем, что заслуживает одобрения истинно творческая обработка способов выражения экспрессии, связанная с разрушением стереотипов и обнаружением нового в облике слова или в его взаимосвязи с другими словами, поскольку уточняет и проясняет сообщение, пробуждает и активизирует мысль читателя, повышает интерес. Но остроумие, направленное на травестирование всего и вся, скандальное, грубое нарушение норм публичного общения коверкает процесс восприятия, вводит в заблуждение. Этим искажается и вульгаризируется картина мира, создаваемая журналистами.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т.т. - М.: Рус. яз., 2001. - Т.1. - 1232 с.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. - М.: Рус. Яз., 2001. – 856 с.
3. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000. - 389 с.
4. Чернышова Т.В. Фатическая речь как социальный символ коммуникации (на материале текстов печатных СМИ) / Известия Алтайского государственного университета. Филология. № 4. – 2004. С. 46 - 51.

Источники примеров

1. Самолет Второй мировой устроил в США кровавую баню [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/239450/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 27.09.2011.
2. Главные новости дня [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2011. – Режим доступа: <http://beta.novoteka.ru/?s=accidents#nnn15150832>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 03.12.2011.

References

1. Efremova T.F. New Russian Dictionary. Sensibly-derivational. In 2 Volumes – M. Rus. lang., 2001. – Vol.1. – 1232 p.
2. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words. - M. Rus. Lang., 2001. – 856 p.
3. Chepkina E.V. Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes. Ekaterinburg, 2000. – 389 p.

(0,4 п.л.)